

Роза
Сергазиева

Картина

Роза Сергазиева

Картина

«Издательские решения»

Сергазиева Р.

Картина / Р. Сергазиева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742469-5

Остросюжетный научно-фантастический роман (серия «Лестница времени»). На вернисаже исчезает девушка. Помочь может запись с камер наблюдения. Но... Кадр первый: девушка поворачивается лицом к картине. На следующем — картина на месте, а девушки нет. После того, как автор поставит последнюю точку в романе, книга начинает жить собственной жизнью. То же самое можно сказать и о шедевре, созданном художником. Живописное полотно обретает свободу. Знают ли об этом те, кто смотрит на картину?

ISBN 978-5-44-742469-5

© Сергазиева Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть I.	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Картина

Роза Сергазиева

© Роза Сергазиева, 2018

ISBN 978-5-4474-2469-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Девушка на фоне пейзажа

Глава 1

23:45

БЕЗ четверти полночь. До начала ночной смены остается пятнадцать минут.

Вера еще раз проверила содержимое матерчатой сумки (наилегчайший вариант, специально искала такую, максимально удобную, вместительную, с массой отделений, на длинном широком ремешке, перекидываешь через голову – руки свободны): дорогой фотоаппарат, запасные карты памяти в боковых кармашках, планшетный компьютер, блокнот с ручкой (на всякий случай). Ничего лишнего.

Девушка защелкнула замки, подхватила сумку и отнесла к входной двери. Предстоящая ночь – последняя на неделе. Потом два блаженных выходных.

Вере Красковой не посчастливилось сразу определиться в профессии. Трудно сформулировать цель, когда не знаешь, чего хочешь. Тем более если мечтаешь о чем-то особенном, но не конкретном. По образованию Вера географ. Только подобный диплом для жителя мегаполиса как... зуб мудрости: вроде вырос, а пользы никакой. Поэтому, окончив институт, Вера долго металась в поисках собственного места в жизни. Нанималась то в страховую компанию, то в рекламную. Пробовала себя в роли няни или диктора в супермаркете: «Уважаемые покупатели! В 23.00 кассы закрываются на технический перерыв» и т. д. Продавала по очереди косметику, книги и обувь. Но вот год назад устроилась в интернет-газету «Город-24». Фото-репортером.

Необычный кульбит для географа (а также рекламно-страхового агента, няни или продавца). Хотя определенная логика в поступке присутствовала. В студенческую эпоху обязательную практику Вера проходила в экспедициях по отечественным «дальностям». Девушка с упоением фотографировала окружающую красоту, а затем размещала снимки в Интернете. Потом наступил перерыв: ни поездок, ни, соответственно, фотографий. Рутинная будней.

Но однажды, когда Вера разносила обувные коробки капризным покупателям, вдруг поймала себя на том, что видит магазинный зал не целиком, а словно разделенным на отдельные фрагменты. Вот женщина, не зная, что выбрать, надела на одну ногу сапог, а на другую босоножку. И так крутится перед зеркалом. В другом углу парень из мужского отдела, недавно принятый в магазин, пытается натянуть на пятилетнего мальчика ботинок. Продавец взмок, ребенок пару раз съездил ногой парню по носу, но башмак никак не налезает. Забыл новичок, что сначала нужно вынуть из обуви картонку, поддерживающую форму.

Вера крутила головой и вздыхала: жаль, что нет под рукой фотоаппарата, смешные бы получились «карточки». А может, мелькнула мысль и от неожиданности Краскова уронила коробку на пол, Вера и вправду видит мир «картинками», и значит, именно эта способность и есть для нее главная? Получается, девушке гораздо интереснее отстраненно фиксировать окружающую жизнь, а не участвовать в ней.

Дождавшись выходных, продавщица обувной секции отправилась гулять по городу, нащелкала забавные уличные сценки и разослала работы по редакциям. Таким образом, они (Вера и её новая работа) нашли друг друга.

Интернет-газета «Город-24» – круглосуточный информационный портал о событиях, происходящих в Москве. Фотографии с места событий и сопровождающий текст. Есть главный

редактор, несколько дежурящих по очереди редакторов и небольшой технический отдел для поддержки сайта.

Основной же костяк – фоторепортеры. Так называемые «плановые» – элита издания, разбирающие в начале смены престижные адреса: пресс-конференции (с последующим фуршетом), звездные тусовки (опять стол накрыт), вернисажи (и тут не обходится без банкета), показы мод. В эту группу Вера пока не прорвалась, новички, как она, причислены к категории «неплановых». Несутся туда, куда отправит дежурный редактор: безумная авария, страшный пожар, провал грунта, снос памятника старины, нападение бездомных собак или бесчинства футбольных фанатов.

Фоторепортеры работают в три смены. Одну неделю с 8 утра до 16.00, следующую с середины дня до полуночи и третью – по ночам. Выходные – особый случай. Никого не неволят. Только отбоя от желающих нет (тем более что в такие дни охотно налетают конкуренты – нештатные фотографы, стрингеры): оплата по двойному тарифу (в праздники – по тройному, новогодняя ночь вообще по особой цене).

Поэтому, если и позволяют себе сотрудники поныть-пожаловаться, то лишь по поводу ночных пятидневок. Все, кроме Веры. Она как раз предпочитает дежурить после полуночи. Для недоуменных коллег приготовлено приемлемое объяснение: в такое время суток город пуст, дороги свободны, и Краскова на Поняшке-малолитражке за считанные минуты добирается до любой точки.

Но если честно, уж лучше мчаться по сонным улицам, чем скучать в одиночестве у телевизора. Так получилось, что рядом с Верой, перешагнувшей барьер в тридцать лет и вплотную приблизившейся к рангу «дамы бальзаковского возраста», до сих пор нет близкого человека. Может быть, девушка слишком долго искала себя и не обращала внимания на других, что постепенно и другие (имеются в виду представители мужской половины человечества) перестали замечать её?

Например, сегодня она мечтает о выходных. Но и это – лишь минутная слабость, дань обывательской привычке. Вера прекрасно знает, как проведет предстоящие два дня.

В субботу отоспится в собственное удовольствие. Но потом наступит воскресенье и снова встанет вопрос: чем заняться? Пойти в кино на дневной сеанс (от идеи посещать вечерние она давно отказалась, скрипеть от обиды зубами при виде обнимающихся пар надоело)? Или на прогулку в парк? Так навстречу будут обязательно попадаться родители с малышами.

Еще вариант – позвонить главному редактору и... договориться о дежурстве в выходной.

Нет, что-то в её жизни неправильно. Нельзя, чтобы работа, даже и очень любимая, заполняла душевные лакуны. Но как изменить ситуацию, Вера не знала.

Девушка налила в кружку крепкий кофе (предусмотрительная мера, чтобы ненароком не заснуть) и расположилась в кресле. Она уже одета «по-рабочему» (джинсы, на ногах – легкие мокасины, футболка, в машине лежит ветровка, если придется колесить после четырех, под утро даже летом становится прохладно), и, когда раздастся вызов, не придется тратить лишнее время на пуговицы и шнурки.

На соседний столик Вера положила мобильный телефон. Кто из редакторов этой ночью работает с фоторепортерами? Феликс Мазин? Он человек спокойный и уверенный, поэтому свяжется лишь тогда, когда произойдет что-то стоящее. В отличие, например, от Лены Федоровой, которая командовала вчерашней ночью. Лена начинает звонить еще до полуночи, чтобы объявить о начале дежурства, проверить, не разрядился ли у репортера мобильный телефон.

Любопытно, что Вера понятия не имела, как выглядят что Мазин, что Федорова, что другие редактора. Общалась «глаза в глаза» лишь с главным – Валентином Черноусовым. Кстати, он в свою очередь – единственный, кто знал каждого сотрудника в лицо (редакция занимала две небольших комнатки, фоторепортеры присылали снимки по электронной почте). Потому что именно он принимал журналистов на работу. И потому что раз в месяц «чтобы люди чувство-

вали себя частью коллектива» (как любил повторять Черноусов) приглашал кого-либо из штатных репортеров на встречу, обсудить планы.

Вера отхлебнула остывающий кофе, еще раз посмотрела на будильник: пролетел первый час смены. Будет смешно, если в городе ничего не произойдет, и ей не позвонят. И хотя город у нас огромный и шумный, ночи без каких-либо происшествий на долю Красковой иногда выпадали. Только в любом случае нельзя расслабляться.

И Вера потянулась за книжкой – женским романом, недавно купленным в переходе метро. Стыдно признаться, но девушка любила именно такие: слюняво сладкие, густо политые сиропом, истории, непременно из не нашей и обязательно старинной жизни. Своеобразные сказки для взрослых. Где женщин именуют дамами, которым кавалеры при встрече целуют ручку. Там шьют балльные платья с кринолинами, носят атласные туфельки и умеют кататься верхом на лошадях. А мужчины – непременно широкоплечие красавцы, влюбляющиеся без памяти в умных и решительных девушек. Героини – уверенны в себе и знают, чего хотят. И даже если начальные главы переполнены женскими страданиями и рыданиями, то в финале обязательно прозвучат свадебные колокола.

Вот и сейчас очередной граф еще воротит нос от донимающей его своими выходками экономки, но мы-то знаем, что гордая девица сломает-таки упрямого сноба. Интересно, а Вера, окажись на месте смелой дамы, в интерьере многокомнатного особняка, смогла бы очаровать светского повесу?

Но этот вопрос повис беспомощно в воздухе, потому что Краскову выдернули в реальность: требовательно заверещал мобильник.

Вера вскочила с кресла, схватила телефон и ринулась к двери. Неужели все-таки заснула? Тройная порция крепкого кофе без молока и сахара не помогла?

– Куда ехать? – просипела в трубку Вера. – Характер происшествия? Диктуйте адрес.

Продолжая сыпать дежурные фразы, девушка подняла с пола сумку, перекинула через голову ремешок и только тут поняла, что трубка ни на один вопрос не ответила. Мало того, вместо четкого командирского голоса Феликса Мазина раздавались приглушенные, совсем не мужские всхлипы.

– Кто это? – замерла на пороге Вера.

– Это... – долгий прерывистый вздох, – это... я, – опять рыдание. – Я... Надя.

Надя Томилина – подруга Веры. Они познакомились во времена, когда Краскова вживалась в должность рекламного агента. И наткнулась на фирму, которую вполне можно было раскрутить на ребрендинг. Для чего требовалось доказать потенциальному заказчику, что логотип конторы смотрится старомодно и удручающе. Надя как раз представляла интересы «той стороны», отвечала за имидж организации.

Вера вложила массу энергии, убеждая Томилину оформить заказ. Правда, окончательное решение принимал шеф, который обозвал затею вздорной и приказал выставить настырного агента за порог. Но Вера и Надя так привыкли обсуждать проблемы за чашкой капучино, что продолжали общаться и после того, как Вера – рекламщик-неудачница переквалифицировалась в страхового агента.

Только последний год девушки ни разу не встречались, лишь перебрасывались по телефону короткими эсэмэсками. Вера осваивала профессию фоторепортера. Надя устраивала личную жизнь. Занималась тем, что не получалось у Веры и в чем Краскова по-хорошему завидовала подруге: умению находить вторую половинку и быть счастливой.

И вдруг – слезы!?

– Что стряслось? – Вера сбросила сумку снова на пол.

– Мне... Мне безумно страшно, – зашептала Надя. – Он... он пригрозил, что убьет меня.

– Так, сначала ответь на вопрос, – зная излишнюю впечатлительность подруги и манеру любую проблему многократно преувеличивать, Вера решила для начала хорошенько встрях-

нуть Надю, чтобы остановить поток мокроты, – в данный момент убийца находится рядом, приставив к твоему виску пистолет?

– Нет, конечно, нет, – голос Томилиной приобрел, наконец, некоторую связность. – Иначе я бы не смогла позвонить. Он... уехал. Думаю, до утра не вернется.

– Следовательно, – шагала Вера по направлению к ванной, – тридцать секунд ничего не изменят в твоей жизни?

– Угу, – уверенный тон подруги успокоил Надю, и она перестала хлюпать носом.

Вера положила мобильник на край раковины, повернула кран и брызнула ледяную пригоршню в лицо. Чтобы окончательно проснуться и вернуть способность мыслить адекватно.

Краскова вернулась в комнату, плюхнулась обратно в кресло.

– Слушаю, – Вера приложила телефон к уху; если позвонит дежурный редактор, она легко переключится на вторую линию. – Теперь начнем сначала и в подробностях: кто и почему собирается тебя убить?

– Игнат, – выдохнула имя подруга.

Глава 2

ИСТОРИЯ походила в деталях на слюнявый книжный роман не из нашей жизни (так, по крайней мере, считала Вера – большой специалист по части женской литературы).

Год назад на вернисаж в галерею «НВ» Надю звал владелец заведения (а заодно и обладатель двух заглавных букв в названии) Никита Воронин. Девушка очутилась на гламурном мероприятии в первый раз и, переступив порог, растерялась. Люди вокруг, явно давние знакомые, громко приветствовали друг друга, что-то бурно обсуждали, не забывая время от времени смахивать с подносов у пробегающих мимо официантов бокалы с шампанским.

Надя никого из окружающих не знала и в ожидании Никиты скучала у стены напротив входа.

– Поразительно, – услышала девушка голос, с мягкими нотками хрипотцы. – Вы похожи на мою картину! Жаль, вас уже не добавить!

Надя резко повернула голову: по-разному с ней знакомились молодые люди, но такой эскапады еще не звучало. Видимо, в той среде, куда она попала, подобная глупость считается непревзойденным комплиментом. Только заготовленная резкая отповедь повисла в воздухе: высокий мужчина (причем ужасно обаятельный, копна «недисциплинированных» светлых волос закрывала лоб наискосок, а сзади беспорядочными легкими волнами ложилась на плечи) любовался вовсе не девушкой, а... полотном за её спиной, словно выбирая достойное место для несостоявшегося портрета.

Томилина в свою очередь тоже посмотрела на картину. Ничего особенного, традиционный летний сюжет: высокий берег реки – сама она серебристой лентой огибает полуостров внизу, зеленая трава под ногами в крапинках розовых ягод, глубокое голубое небо в кружеве прозрачных облаков. Разве что размер холста впечатлял – практически от пола до потолка.

– Я – не пейзаж, я человек, – обиделась девушка. – У меня есть руки и ноги.

– Вы такая же солнечная, – незнакомец перевел взгляд на привередливую особу, но потом вновь вернулись к картине, – как мой нарисованный летний день. И глаза у вас, как мое небо, – кивок головы вверх. – Цвет губ – земляничный, брови по рисунку напоминают излучину реки, – тонкие пальцы провели линию внизу. – А если улыбнетесь, – лукаво подмигнул он девушке, – то запоют птицы. Они ждут сигнала в правом краю, там у меня расположен лес. Давайте скорее знакомиться: я – Игнат Страхов. Автор. Остальная живопись вокруг – не моя. Поэтому делать в происходящем бедламе абсолютно нечего, предлагаю сбежать.

Надя не только улыбнулась, но и от души рассмеялась: художник начинал нравиться. Когда он сравнивал девушку с картиной, глаза его сияли каким-то потусторонним, завораживающим, таинственным блеском. Такой мужчина не может не очаровать женщину. Ему хочется не просто верить, ему хочется принадлежать, рожать детей и в конечном итоге посвятить жизнь.

И Надя безрассудно раскрылась навстречу новому чувству.

Игнат ухаживал так, как это умеют только поэты. Если вручал цветы, то незабудки и ирисы, или разыскивал полевые васильки и колокольчики, чтобы подчеркнуть цвет глаз подруги. Если назначал свидание, то непременно на рассвете, чтобы просыпающееся солнце играло в распущенных девичьих волосах. А еще дарил безделушки со смыслом: серебряные колечки с сердечками, открытки с шутливыми стихами, шоколадные конфеты, изготовленные на заказ с записками-сюрпризами внутри.

Буквально через пару месяцев Игнат предложил Наде переехать к нему. Девушка, не раздумывая, согласилась. И даже не стала возражать, когда художник попросил распрощаться с фирмой, где она работала, объяснив, что материально обеспечен и к тому же не хочет ни

с кем девушку делить. Они должны проводить как можно больше времени вместе. И какая женщина против такого аргумента станет возражать?

Вот и Надя радостно осваивалась в новом жилище.

Правда, поначалу она удивилась: во всем огромном помещении (Игнат приобрел квартиру на последнем этаже, переоборудовав и пространство под крышей), оформленном с большим вкусом, она не обнаружила ни одной работы самого Страхова. Стены в гостиной, в спальне, в коридорах, на кухне украшали картины в рамах. Но – лишь репродукции классиков (фламандцы и импрессионисты).

На недоуменный вопрос подруги Игнат недовольно пожал плечами: он предпочитает рисовать в мастерской, на чердаке, там же и хранит свои работы. Но как Надя не настаивала, не уговаривала показать полотна, художник наотрез отказался. Мало того, постоянно запирали мастерскую на ключ: и когда работал внутри, и когда спускался вниз.

Неприятный разговор Надя моментально выкинула из головы: у людей искусства полно причуд. Может, Игнат – натура утонченная, сомневающаяся и откровенно боится критических замечаний в свой адрес.

Надя наслаждалась свалившимся счастьем. Каждый день они проводили вместе, из дома выходили только вдвоем. Не пропускали премьеры в театре и в кино, закупали продукты в магазине (удивительно, но Игнат относился к процессу если не с любовью, то с большой долей терпения). Ходили на вернисажи, куда Страхова, как обладателя звонкого звания академика, приглашали в роли свадебного генерала. Помелькав в самом начале, перерезав красную ленточку, в какой-то момент он хватал в охапку Надю и сбегал с торжества. Они отправлялись в ресторан, каждый раз новый, чтобы найти и запомнить на будущее лучший.

Скучала Надя только тогда, когда Игнат запирался в мастерской и рисовал. Но и в такие моменты предпочитала находиться поблизости. Выискивала в Интернете рецепты экзотических блюд и колдовала у плиты, поджидая художника, уверенная, что ароматы приготовляемой пищи непременно привлекут мужчину на кухню. Или же возилась в комнатах: переставляла мебель, пылесосила ковры (въехав, заставила Игната отказаться от услуг домработницы, рядом с ним круглые сутки имеет право находиться только одна женщина – Надя), заказывала доставку цветов, расставляла по вазам, чтобы добавить жилищу ярких живых красок.

Но однажды (как всегда с такого вот «однажды» и начинаются проблемы) Игнату потребовалось поехать в Академию Художеств, на заседание какого-то Совета, по протоколу присутствие подруги художника не предусматривалось. Надя впервые осталась дома одна.

За первый час она вытерла-вычистила в комнатах, что еще можно было убрать. За второй заново сложила в гардеробной чистые рубашки Игната. А потом обнаружила себя у лестницы, ведущей на чердак. Под крышей, помимо мастерской находился небольшой холл, где перед старинным круглым окном стояли два мягких кресла. Почему бы не подняться и не полюбоваться городом с высоты?

Надя зашлепала тапочками по ступенькам и... задела локтем ручку двери, ведущую в мастерскую. Совершенно неожиданно дверь скрипнула и приоткрылась. Томила замерла на месте: видимо, Игнат торопился и не повернул ключ в замке. Девушка протянула руку, чтобы захлопнуть створку. Отношения с любимым мужчиной должны строиться на честности. Но... ведь если Игнат ничего не узнает, то честность не пострадает.

– Не смогла побороть любопытство? – прервала длинный монолог подруги Вера. – Теперь понимаю, почему Страхов взбешен – ты посягнула на его территорию. Любой мужчина поступил бы аналогично.

– Нет, все гораздо сложнее, – вздохнула Надя, снова всхлипнув.

Мастерская выглядела традиционно: огромная комната, пропахшая красками и растворителем, наполненная светом, бьющим сквозь застекленную часть потолка. Надя уже побы-

вала, сопровождая Игната, в гостях у друзей-художников и знала, как выглядят подобные помещения. По периметру лицом к стенам придвинуты полотна в рамах. Трудно сказать, сколько их тут уместилось: десятки, сотни?

В центре – стол, на котором Игнат смешивает краски, весь в разноцветных подтеках. Рядом два мольберта. На одном завершенный портрет: молодая девушка, в легкой кольчуге – реконструкция под старину, сидит на поваленном дереве. Рука сжимает шлем, в зеркальной поверхности отражаются солнечные зайчики. Голова откинута, белокурые волосы легкой волной набегают на плечи. На втором станке тот же сюжет, но готовый лишь наполовину.

Надя скептически посмотрела на не завершенного клона: зачем понадобилось художнику копировать собственные работы? Хотя... Искусство – тоже бизнес. И репродукции, выполненные автором, продаются по той же цене, что и оригинал.

Томилина переключилась на сложенные вдоль стен картины и, двигаясь по кругу, развернула их лицом к себе. Получилась удивительная тематическая композиция: на нее смотрели люди в разных исторических костюмах, гусары и рыцари, арбалетчики и пушкари, пешие и конные. Надя остановилась в центре и переводила взгляд с одного лица на другое.

И вдруг...

Девушка зажала уши и пригнула голову к коленям: словно горная лавина, на нее обрушился умопомрачительный по мощности грохот. Хриплые голоса, крики, топот тысяч ног, лошадиное ржание, лязг металла о металл, команды и взрывы. В нос ударил запах пороха. По телу побежали струйки пота, страх ледяной клешней сдавил сердце. Собрав последние силы, Надя закричала и выскочила в спасительную естественность чердака. Навстречу, перепрыгивая через ступени, бежал Игнат. Дрожащая девушка прижалась к мужской груди, ожидая, что Страхов обнимет, успокоит и всё объяснит. Но вместо этого услышала разъяренный визг:

– Как ты посмела?!

Надя отпрянула и уставилась в пылающие злобой глаза Игната.

– Дверь б-б-была открыта, – начала оправдываться Томилина, но потом собралась с силами и вздернула подбородок: она ведь никакого преступления не совершила, лишь случайно заглянула в мастерскую, ничего не испортила, не разбила, не разлила.

– Не смей! – прорычал Игнат и, схватив девушку за руку, поволок вниз. Да так стремительно, что Надя с трудом успевала перебирать ногами, рискуя споткнуться и упасть.

В гостиной художник резко развернул Надю к себе и еще раз повторил:

– Запомнила? Никогда, повторяю, НИКОГДА не прикасайся к моим картинам!

– Но как... как, – Надя всё еще не верила в происходящее и попыталась восстановить не понятно по какой причине рухнувший мир в их доме с помощью неловкой шутки, – как же другие люди, которые приходят на твои выставки? Ты их тоже отгоняешь?

– Они смотрят тогда, когда я им разрешаю, – ответ показался Наде диким.

После этого эпизода солнце счастья, казавшееся навечно вколотенным в небосвод над их головами, рухнуло в ад (значит, подобные пертурбации происходят легко?). Игнат преобразился (или наоборот вернулся к истинному образу?): больше не дарил подарков, ел на кухне в одиночестве, вытолкнув девушку в коридор, не реагировал на слезы, не только не целовал её, но даже не касался.

Надя, словно наказанная (правда, непонятно за что), сидела целыми днями дома, взаперти. Выходить на улицу запрещалось, как и общаться с кем-либо по электронной почте (Страхов отобрал у Нади ноутбук вместе с мобильником) или телефону (когда Игнат работал в мастерской, то связь переключал на второй этаж). Продукты, заказанные через Интернет, доставляли прямо к порогу.

Девушка пыталась объяснить с художником, напомнить про то, что кроме обид, между ними существовала любовь. Но мужчина, запрокинув голову назад, лишь безумно хохотал. Любовь? Разве кто-то говорил о любви? Игнат, по крайней мере, ни разу таких слов не произнес.

– И давно ты маешься? – поразились Вера.

– Вторую неделю, – призналась Надя.

– Не понимаю, – развела руками Краскова. – Мы живем не в средние века, плюнь на мужика и уйди, громко хлопнув дверью, чтобы стекла зазвенели. Можешь прямиком приехать ко мне.

– Не получится, – прошептала еле слышно Надя. – Дверь на лестничную площадку постоянно закрыта, ключа у меня нет.

– Ну и что? – недоумевала Вера. – Сейчас же вызови спасателей, скажи, что замок испортился, они тебя «вскроют».

– Но я не смогу заплатить, – выдохнула «узница». – Я же год не работала. На моем счету ноль, а наличные деньги Игнат держит в сейфе, где-то в мастерской. Туда же он спрятал и мой паспорт. Не поверишь, но и мою одежду он сложил в чемоданы и увез. Я болтаюсь по дому в драных шортах, старой майке и босиком.

– Тогда набери «02», – Вера не верила в безвыходность ситуации. – Приедет наряд полиции и арестует тюремщика.

– Ты видела Игната? – в свою очередь разозлилась Надя. – Этот дьявол с лицом ангела любого человека в форме убедит, что ни в чем не виноват. – Вере пришлось согласиться с подругой: Страхов и вправду производил впечатление человека тонкой душевной организацией. – «Эта истеричная женщина, живущая в роскошной двухэтажной квартире, вздорная капризная особа», – заявит Игнат полицейским. Кому поверят: мне или «Заслуженному художнику России»?

– Свяжись с отцом, – перебирала варианты Вера, – нажалуйся на изверга в кошачьей шкуре.

– Игнат обзвонил родственников и общих знакомых, сообщив, что у меня тяжелая форма депрессии, – застонала девушка. – Просить чьей-либо помощи бесполезно.

– Мне, например, никто не звонил, – заметила Вера.

– Мы же с тобой год не общались, – напомнила Томилина. – На мое счастье Игнат забыл о твоём существовании.

– Так, вернемся на исходную позицию, – пыталась оценить ситуацию с разных сторон Краскова. – Если он тебя не любит, зачем настойчиво держит рядом?

– Страхов заявил, что я – неотъемлемая часть знаменитого пейзажа «Летний полдень». Ну не бред ли? – грустно хмыкнула Надя. – И поэтому обязана на вернисажах находиться подле полотна.

– Наподобие красавиц, которые на автосалонах позируют на фоне «мерседесов» и БМВ?

– Похоже, – согласилась Надя. – Только я – девушка на фоне картины. Он мне даже платье специальное заказал: белое, обтягивающее, до пят, с открытыми плечами. В таком точно по улице не побегаешь. Кстати, завтра – 20 июня открытие выставки. Поэтому и смогла тебе позвонить: Игната впервые нет дома, он застрял в галерее, где развешивает свои шедевры.

– Тогда отомсти художнику, – предложила Вера. – Откажись надевать «форменное» платье и участвовать в вернисаже.

– Только я о подобном заикнулась, – опять захлопала носом Надя, – Игнат пригрозил, что убьет меня. Причем каким-то изуверским способом. Орал, что сотрет меня из реальности, словно карандашный набросок ластиком, и запрячет так, что никто на свете не отыщет.

– Глупости, – возмутилась Вера. – Страхов – извращенец и подлец. Завтра ты сбежишь от него. Прямо с вернисажа. У меня есть план, ключевым моментом которого станет твой второй паспорт – заграничный.

– А-а-а, – закричала от восторга Надя. – Как я могла забыть? Ведь после совместной поездки в Испанию так и не забрала у тебя свой иностранный паспорт!

– Правильно, – подтвердила Краскова и изложила по пунктам придуманную на ходу операцию.

Прямо сейчас Вера засядет за компьютер и закажет на имя Томилиной билеты на авиарейсы, которые состоятся завтра (точнее, уже сегодня!) ближе к вечеру. Место назначения – города в государствах, в которые у россиян безвизовый въезд. Сложит электронные билеты, деньги (снимет в банкомате со своего счета), паспорт (плюс новый мобильный телефон, купит утром) и необходимую в дорогу одежду (хорошо, что у девушек один размер) в сумку. Закинет в Поняшку-малолитражку, подгонит машину к галерее и спрячет ключи в туалете (Надя предложила положить их между створками форточки).

Задача Томилиной – дожидаться момента, забрать ключи (поход в туалет ни у кого не вызовет подозрений), выскочить из здания, нырнуть в Поняшку, отъехать подальше – поглубже в путаницу улиц, переодеться и, выбрав подходящий по времени самолет (ведь неизвестно, в котором часу Наде удастся исчезнуть из поля зрения Игната) и рулить в аэропорт. Оставив машину на стоянке, девушка должна отправить Вере эсэмэску, чтобы сообщить, откуда забирать Поняшку, и спешить в зону отлета.

План Томилиной понравился. Оказавшись очень далеко от Москвы, она разыщет сестру, которая много лет кочует вместе с археологическими экспедициями по Европе, и примкнет к ученым, забыв навсегда про сумасшедшего любовника.

Успокоенная Надя положила трубку. Вера же принялась «листать» расписания московских аэропортов, забыв о том, что вообще-то находится на работе. Но с этой точки зрения смена выдалась не хлопотная. Только под утро позвонил, наконец, Феликс Мазин и отправил дежурного репортера к одной из станций метро, где свалившаяся с колонны у входа буква «М» продырявила цветочный ларек. Буква в букетах – симпатичный получился кадр.

И всё. Город провел скучно-мирную ночь. Видимо, летом даже происшествия в столице предпочитают лениться-отсыпаться.

Глава 3

ПРЕЖДЕ чем припарковать машину, Вера немного покружилась по переулкам рядом с галереей, оценивая габариты прилипших к бордюру иномарок. На вернисаж съехалось множество гостей, и приткнуться в радиусе 100 метров, казалось, нереально. Но недаром Краскова восхищалась Поняшкой-малолитражкой: автомобильчик обладал способностью протиснуться в игольное ушко. Так и получилось: Поняшка ловко скользнул между двумя толстопузыми джипами.

Вера взяла с соседнего сиденья «дежурную» сумку, просунула голову через ремешок. Собираясь на вернисаж, Краскова решила не отказываться от возможности лишний раз заработать (в выходной, по двойному тарифу!). Она позвонила дневному редактору и предложила сделать репортаж с открытия выставки в галерее «НВ». Раз уж в любом случае ей туда ехать. Тему без возражений в редакции утвердили и поставили в план дня. Вера выключила мотор, вынула ключ и сжала в кулачке.

– Извини, Поняшка, – Краскова провела рукой по рулю, – сегодня какое-то время придется послужить другой хозяйке. Но помни: расстаёмся ненадолго, как только спасешь подругу, забери домой. Так что будь послушным и не капризничай.

Да, Вера разговаривала со своей машиной и не стеснялась странной привычки. Например, перед выездом подробно объясняла Поняшке маршрут, по которому предстоит следовать, рассуждала вслух, на какой пяточок нацелиться на парковке, советовалась, какие продукты не забыть купить по дороге. Потому что воспринимала автомобиль (по сути, предмет неодушевленный) как хорошего друга (слушает и не перебивает) и честного коллегу (не подставит подножку в борьбе за место под солнцем).

К тому же Вера проводила с Поняшкой времени больше, чем еще с кем-либо из «предметов одушевленных». Вот даже имя смешное машине придумала. Оттуда же, из сентиментальных романов про не нашу жизнь. В любимых книжках папы постоянно дарят дочкам на день рождения маленьких черных пони (вещь для Вериного детства, конечно, немыслимая). И когда Краскова купила-подарила сама себе автомобиль, то подумала: чем не пони-поняшка (ну и что, что красный?).

Краскова выбралась на тротуар (вытянувшись в струнку, чтобы не коснуться блестящего бока джипа) и направилась к галерее.

За крутящейся стеклянной дверью Веру встретила длинноногая девушка с веером буклетов. Сверившись со списком приглашенных, поставив птичку напротив фамилии репортёра, девушка рекламно-гламурно улыбнулась и, вручив глянцевый пресс-релиз, тут же переключилась на другого гостя.

Краскова краем глаза удостоверилась, что Надя уже на месте (подруга топталась у противоположной стены, которую украшала главная картина галереи), и уткнулась носом в текст. (С Томилиной они заранее договорились при встрече не общаться, чтобы не привлекать излишнего внимания Игната).

Пресс-релиз как обычно до небес превозносил талант заслуженного выпускника и действительного члена Столичной Академии Художеств, распаляя интерес зрителей наличием некоей тайны. Мастер устраивает персональные выставки только раз в году, именно в галерее «НВ» и открытие выпадает постоянно на один и тот же день – 20 июня. Все картины, представленные на вернисаже – как старые, так и новые (своеобразный отчет о работе за год) – любую из них можно купить.

И только одно полотно – экспонат постоянный, ни за какие деньги не продаваемый – знаменитый пейзаж «Летний полдень». Картина – неотъемлемая часть самой галереи, своеобразный визуальный центр. «Вы погружаетесь в неё сразу, лишь переступив порог, – вещал

пресс-релиз. – Под углом от пейзажа направо и налево идут «лучи» – залы. И в какой бы точке галереи не находились, всегда будете видеть «Летний полдень».

Дочитав до последней строчки, Вера, правильно сориентировавшись, оказалась возле двери в туалет. Над умывальником, как и предупредила Надя, располагалась форточка. Спрятав в условленном месте ключ от Поняшки, Краскова поспешила обратно в холл.

Здесь уже собралась внушительных размеров толпа, разбившаяся на две непропорциональные группы. Гомонящие поклонники вперемешку с журналистами и – чуть в стороне, на расстоянии шага, но все равно отдельно, особая троица: хозяин галереи Никита Воронин, виновник торжества – Игнат Страхов и холеный мужчина в темном костюме и дорогих, до зеркального блеска начищенных туфлях, по которым легко узнаются чиновники высшего эшелона.

Неожиданно разговоры смолкли – художник сделал приглашающий жест в сторону правого «луча» и сначала важный гость, а за ним и остальная масса людей молча двинулись на экспозицию по галерее.

Вера пристроилась в хвост и, пройдя мимо Нади, мысленно поаплодировала подруге: в белом, до пола, узком платье Томилина походила на фарфоровую статуэтку. Вдоль шеи спускались на золотых цепочках сережки-жемчужины. Ступни упирались в красные босоножки (в несколько ремешков) на высоченном каблуке (хорошо, что Вера догадалась положить для беглянки в дорожную сумку кроссовки), а талию обвивал алый в тон шелковый кушак, бахрому по краям украшали нанизанные на нити хрустально-рубиновые капли. Солнце, заглядывающее в огромные окна галереи, заставляло стеклышки вспыхивать и переливаться.

Краскова еще раз подмигнула подруге (мол, все готово, можешь действовать) и побежала догонять удаляющуюся публику.

Группа, напоминающая пчелиный рой, передвигалась в рваном темпе. Игнат, чуть склонив голову в сторону чиновника, представлял важной персоне очередное полотно. Но делал это достаточно громко, чтобы слышно было и остальным поклонникам. Как только спич завершался, поднимался одобрительный гул.

Потом «рой» перегруппировывался – из общего клубка выскакивали фоторепортеры, подыскивая лучший ракурс для съемки. Страхов, проконтролировав, что фотовспышки прекратились, направлял толпу к следующей картине. Вера четко следовала обозначенным правилам: щелкала вместе с остальными фотоаппаратом, в нужный момент протягивала к имени тому экскурсоводу диктофон.

Обойдя правый «луч» по внутреннему периметру, зрители оказались вновь у центрального входа. Краскова удовлетворенно шмыгнула носом: «девушка на фоне пейзажа» исчезла. И чтобы не акцентировать на этом событии внимания, Вера специально подлетела к Страхову и, пока он вел людей к левому «лучу», атаковала художника вопросами. В результате Игнату так и не удалось повернуть голову к главной картине.

Еще с полчаса Вера сопровождала толпу по второму залу. Но потом сочла, что информации для репортажа предостаточно и, покинув гудящий «рой», вернулась в холл. Оставалось сделать последний кадр – сфотографировать непосредственно «Летний полдень».

Краскова отошла подальше, стараясь, чтобы в объектив полотна попало полностью. И невольно залюбовалась: Страхов, несомненно, талантливый художник. Вроде сюжет до оскомины знаком и банален: зеленый склон, спрятанный меж невысоких деревьев шалаш в углу, чуть ниже две козы щиплют молодую травку, река серебристыми «язычками» набегает на прибрежный песок... Но яркие краски настолько объемно передают дыхание летнего дня, что кажется, еще мгновение и услышишь, как под ногами стрекочут кузнечики. Возникло ощущение, словно уже не ты смотришь на картину, а она приглядывается к тебе, раздумывая: раскрываться дальше или для начала достаточно *сказано*?

Запечатлев знаменитое произведение, Краскова отправилась искать кабинет владельца галереи и с разрешения его помощницы устроилась за журнальным столиком. Обстановка в комнатке, конечно, не располагала к работе. Постоянно звонил телефон, влетали один за другим взъерошенные сотрудники: одни складывали на диван подаренные художнику огромные букеты цветов, другие жаловались то на пропажу дюжины бутылок шампанского, то на нехватку каталогов.

Но Вера какофония звуков и суета не беспокоили, девушка научилась концентрироваться в любой обстановке. Поэтому спокойно достала из сумки планшетник, перекачала с фотоаппарата снимки.

Кадры вышли симпатичные, выбрать лучшие сложно и Вера, немного поработав над ними, сбросила редактору все, пусть сам мучается. Потом, вставив в уши наушники, прослушала с диктофона длинную речь Страхова, конспектируя по ходу наиболее «вкусные» куски. Статью набрала тут же на планшетнике. Прочитав репортаж еще раз от начала до конца, отправила в редакцию.

Теперь, пока текст и фотографии «переваривает» дежурный редактор, есть минут двадцать, чтобы расслабиться. Вера откинулась на кресле и закрыла глаза. Где, любопытно, теперь Надя? Смогла ли без потерь протиснуться в узком белом платье в Поняшку? Наверняка, уже освободилась от лакированных босоножек и рулит в аэропорт. Какой рейс предпочтет подруга?

Вариантов, как знала Краскова, заполнявшая ночью бланки заказов, предостаточно, в разных частях света. Можно отправиться хоть в Черногорию, хоть в Израиль, хоть в Египет, хоть в Турцию. Игнат уже не сможет помешать беглянке. Наверняка Страхов сейчас с горящими от гнева глазами мечется по галерее и пристает к гостям с дурацким вопросом: не видел ли кто девушку, позировавшую на фоне пейзажа?

Что художник предпримет потом: бросится звонить в полицию, рванет на вокзал? В аэропорт? Но ведь не знает, в который из трех. Прочешет Интернет, чтобы выудить списки пассажиров с разных подходящих рейсов? Или же отдастся на волю обуреваемых чувств, станет носиться по галерее с ножом и кромсать собственные картины?

Вера злорадно ухмыльнулась: любая реакция проигравшего поединок мерзавца ей приятна. Томилину он теперь не достанет.

Дежурный редактор сообщил электронным письмом, что репортаж понравился и уже выложен на сайте. Краскова могла отправляться домой.

Галерея опустела. На полу под ногами шуршали оброненные пресс-релизы и потерянные цветочные лепестки. Основные гости, расправившись с запасами шампанского, покинули вернисаж. Редкие опоздавшие посетители в тишине рассредоточились по залам.

Вера заглянула в правый «луч», потом в левый. И встретила только Никиту Воронина, который обходил галерею и занимался самым важным с его точки зрения делом: прикреплял к картинам ценники с внушительным и приятным для автора количеством нулей.

Страхов ни разу на глаза не попался. Поехал зализывать нанесенную рану в секретную мастерскую на чердаке?

Вера прокрутилась вместе с дверью и шагнула на тротуар. Ей, бесколёсной, теперь предстоит топать до метро. Ближайшая станция – в нескольких кварталах отсюда.

Чисто механически, Краскова повернула голову в ту сторону, где оставила верного Поняшку. И...

Вера замерла на месте. Красный автомобильчик по-прежнему, даже как-то выразительно одиноко – два толстопузых джипа покинули парковку – прижимался к бордюру.

Глава 4

ПЕРВОЙ промелькнула мысль: вдруг у бордюра скучает не Поняшка? Мало ли красных автомобильчиков бегают по городу? Только слишком хорошо знала Краскова верного «железного коняшку», легко узнавала в ряду подобных, да и главная отличительная примета – сочно желтые подголовники на креслах (лишь такого цвета чехлы предлагались на новогодней распродаже) – видна издалека.

Вторая мысль звучала гораздо убедительнее: Надя, забрав сумку с вещами и документами, уехала на попутной машине, более солидной. Проверить это можно, заглянув в салон Поняшки. И Вера, наконец, отклеившись от асфальта, к которому приросла от неожиданности при виде автомобильчика, направилась к дороге.

Увы, приготовленная для беглянки сумка нетронутая лежала, прикрытая пледом, на заднем сидении. Вера подергала ручку двери. Заперто. Похоже, что к машине вообще никто не приближался.

И где же тогда Надя?

Вера направилась обратно в галерею.

Третья мысль представлялась самой невероятной, но все же: вдруг в последний момент подруга струсилась и передумала бежать, спрятавшись внутри здания? На всякий случай Краскова обошла два зала, но там даже запоздавших поклонников не осталось. Заглянула в служебном коридоре в каждую дверь – их всего-то три. Последнее помещение – туалет. Вера открыла створку форточки, нащупала оставленный ключ. Значит, Томилина сюда даже не заглядывала.

Вера сосредоточенно теребила ремешок сумки: где она видела Надю в последний раз? Около «Летнего полдня»? Краскова вернулась в центральный холл. И внимательно осмотрелась. Картина по-прежнему закрывала стену. На полу на расстоянии полуметра от рамы, практически вдоль центральной части холста начерчена мелом линия, порядком затоптанная. Видимо, Игнат обозначил место, где должна позировать во время открытия выставки «девушка на фоне пейзажа».

Вера встала на линию лицом к полотну. Очень неудобная точка для зрителя, слишком близко находится картина, перед носом не фрагменты сюжета, а небрежные, рельефные мазки художника. Зато раму, дорогую, под старину только так и можно разглядеть: мастер старался, резьба тончайшая, много мелких деталей.

Следя за изысканным рисунком, в одной из розеток внизу Вера внезапно заметила переливающуюся красную точку. В следующее мгновение на ладони лежала нитка с нанизанной на нее хрустально-рубиновой каплей. Именно такие украшали алый кушак, который обвивал Надино белое платье. Скорее всего, Томилина зацепилась краем, когда прохаживалась вдоль рамы.

В холле, гремя ведром, появилась уборщица, намекая одинокой гостье, что праздник окончен и галерея закрывается.

Вера, кинув рубиновую каплю в сумку, поспешила на улицу. Открыла дверцу Поняшки и порулила домой.

– Допустим, Надя переиграла план, – Краскова разбирала вместе с «неодушевленным другом» различные варианты. – Подруге, например, удалось ночью залезть в сейф. Томилина могла подобрать ключ к мастерской, а также найти комбинацию цифр, записанную в каком-нибудь блокноте. Кстати, почему мы думаем, что вообще требуется шифр? Масса сейфов закрываются просто на ключ. И тогда Игнат хранит связку где-нибудь дома. Не станет же он таскать с собой постоянно тяжелые железяки. Зная, что где лежит в квартире, Надя способна их отыскать. – Такое развитие событий всё больше нравилось Вере. – Томилина достала из сейфа паспорт, деньги, сложила в прозрачный пакет и спрятала в складках кушака. Не сомневайся, –

убеждала девушка Поняшку в жизнеспособности собственной гипотезы, – пояс широкий, заворачивается в несколько слоев. Утром Томилина затянула кушак на талии и отправилась на вернисаж. Что же произошло дальше?

Краскова притормозила на светофоре. Пока картинка получалась вполне стройной.

– Когда Игнат увел гостей в правый коридор, – зажегся зеленый, и хозяйка перестроила Поняшку в крайний ряд, – Надя выскочила из галереи. В таком платье по улице особо не побегаешь, но до бордюра доберешься. Согласись, редкий водитель не остановится, – восторженно фыркнула Краскова, – увидев голосующую в подобном наряде девушку. Подругу мигом домчали бы до ближайшего торгового центра, где она купила подходящую одежду. Уверена, что тот же кавалер не отказался подбросить красавицу и до аэропорта. Ну, а дальше Томилина подходит к кассе, говорит, что на её имя через Интернет заказан билет и оплачивает выбранный рейс. Нам с тобой, – остановилась Вера у дома, – остается лишь ждать звонка или эсэмэску.

Собственные доводы настолько успокоили Веру, что, попав в квартиру, девушка беззаботно рухнула на кровать: больше суток она провела на ногах. Ночное дежурство, слишком нервное по вине Нади, сменилось не менее суетным, опять же по вине Томилиной, дневным бдением. Уставшая голова требовала законного отдыха.

Краскова разлепила веки только утром. И, уверенная, что не слышала писка пришедшего СМС-сообщения, потому что крепко спала, потянулась к телефону.

Но экран оказался совершенно пуст: ни пропущенных звонков, ни писем!

Вера вытряхнула из сумки планшетник и проверила сделанный прошлой ночью заказ: ни один из билетов не выкуплен. Значит, Надя никуда не улетела. И, судя по всему, даже не добралась до аэропорта. Неужели Игнат каким-то образом успел перехватить подругу и...

Страшно представить, что способен сотворить этот изверг.

Краскова вновь схватила мобильник, пролистала строчки «меню» и нашла номер, с которого ночью звонила Надя. Нажала кнопку вызова.

Из трубки доносились однотонные длинные гудки... Третий... Пятый... Восьмой.

Вера, шагая по комнате, упорно ждала.

– Да-а-а, – наконец, прорвался голос Игната, словно человек с трудом подавил зевок. – Кому не спится в столь ранний час?

– Где Надя? – жестко потребовала Вера.

– Хммм... – стряхивая сонливость, промямлил Страхов. – И кому Томилина понадобилась?

– Что ты с ней сделал? – девушка еле сдерживалась, чтобы не закричать.

– А-а-а, верная подруга Вера? – догадался Игнат. – Неужели капризная, самовлюбленная дамочка и Краскову обманула?

– Что ты имеешь в виду? – ледяным тоном спросила репортерша.

– Надя – предательница! – задохнулся от гнева Игнат. – Она, видите ли, не способна жить по моим правилам. Я подарил ей себя, принял в свой мир, а она меня бросила!

– Если честно, согласна с Томилиной, – поддела художника Вера, – не столь уж ценный ты подарок. Так, сувенирчик-безделушка.

– Тогда и не звони сюда больше, – прошипел Страхов.

– И не собираюсь. Только скажи, где Надя? – повторила вопрос Вера.

– Понятия не имею, – с презрением заявил Игнат. – Она сбежала, прямо с вернисажа, даже не попрощалась.

– Не ври, у нее ничего не получилось, – Вера прикусила язык, но было уже поздно.

– Откуда ты знаешь? – ехидно заметил художник. – А-а-а, ты ей помогала? Снабдила финансами, а подруга сбежала и не сообщила, где искать? Считай, пропали твои денежки.

– Не увиливай, – продолжала допытываться Вера. – Признайся, ты что-то с ней сделал, – девушка боялась даже произнести вслух слово «убил». – Надя рассказала мне, как ты угрожал. Я сообщу в полицию.

– Действуй! – слишком радостно отреагировал Страхов. – Я им подробно расскажу про вчерашний вернисаж. Что мелькал несколько часов на глазах у сотни людей, к «девушке на фоне пейзажа» ни разу даже не приблизился. Кстати, и ты рядом крутилась. Неужели забыла? А может быть... Нет, я просто уверен: это ты её убила!

– Как ты смеешь?! – побледнела Вера.

– Ты завидовала подруге, – развивал дальше безумную идею Игнат, – хотя тайно давно влюблена в меня. И придумала план, как расчистить дорогу к любимому мужчине, – и художник безумно захохотал.

Вера отбросила мобильник, словно змею оттолкнула. Потом всё же подняла телефон с пола и судорожно стала искать кнопку отбоя. «Тебе не отыскать подругу, – продолжала бесноваться трубка. – Надя сама себя наказала. Она...». Наконец, удалось дикий монолог прервать.

Вера помассировала занывшие виски: нужно звонить в полицию. Но... неужели Игнат прав? Что она скажет людям в погонах? Хочу заявить *об убийстве*. Но трупа, Вера передернула плечами, она не видела. Ладно, *об угрозе убийства*. Кто угрожает? Кому? Заслуженный художник Страхов собирался убить свою любовницу? Нет, не так. Ведь Надя, если вспомнить, что именно говорила Томилина, упоминала лишь, что Игнат хотел стереть её из реальной жизни, «словно карандашный набросок ластиком». Можно такую угрозу считать смертельной? С точки зрения полиции – вряд ли.

Хорошо, составлю заявление о *пропаже человека*. Но примут ли его? Пропала моя подруга. Но девушку не ищут ни любовник, ни родственники. И почему тогда Томилину ищу я?

Чем дальше рассуждала Вера, тем больше запутывалась. Нужен совет знающего человека. К сожалению, среди знакомых нет ни одного сотрудника полиции. Или хотя бы юриста. Или на худой конец мужчины, солидного, умеющего выпутываться из сложных жизненных ситуаций.

Если только...

Она знает одного умного человека: Валентин Черноусов, главный редактор интернет-газеты «Город-24», её непосредственный шеф. Последний год Вера довольно плотно с ним общается, по крайней мере, раз в месяц приглашается в офис для индивидуального «разбора полётов». Черноусов умеет слушать, не грозит страшными карами за ошибки и вообще производит впечатление переживающего за сотрудников начальника.

Правда, сегодня воскресенье, человек законно наслаждается выходным и не обрадуется вмешательству в личную жизнь. С другой стороны, Валентин когда-то сам заставил запомнить домашний телефон и потребовал смело звонить в экстренных случаях. Разве у Веры как раз не такой, даже сверх экстренный случай?

И Краскова набрала выученный наизусть номер.

– З-д-р-а-в-с-т-в-у-й-т-е! – тщательно проговаривая буквы, пропищал детский голосок. – Вы позвонили в квартиру Чер-р-но... Черноусовых. У телефона Мар-р-рианна Валентиновна. Чем могу помочь?

– Ммм..., – Вера догадалась, что трубку сняла пятилетняя дочь редактора – фото с ангельским личиком украшало рабочий стол Валентина. И, подыгрывая ребенку, начала говорить медленно, громко и четко произнося слова: – Добрый день! Пригласите, пожалуйста, главу семейства – господина Черноусова.

– Ждите у трубки, – наказала строго девочка, но в следующую секунду, забыв о только что продемонстрированных хороших манерах, громко завопила: – Пааап! В телефоне какая-то тё-ё-тенька! Пааап! Быстрее!

– Да-да, – откликнулся запыхавшийся редактор. И, услышав Веру, объяснил: – Жена учит ребенка разговаривать по телефону. Но девочке не всегда хватает терпения. Так что стряслось?

Вера, продолжая переживать по поводу того, что рискнула позвонить начальнику, начала быстро бормотать: мол, дико извиняется, что испортила шефу выходной, отвлекает человека не по работе, но ситуация безвыходная, ей не с кем посоветоваться, а время не ждет, нужно срочно что-то предпринять, пока еще есть надежда найти подругу.

– Вера, – остановил поток малопонятных причитаний шеф, – успокойся и соберись. Изложи факты последовательно.

Краскова глубоко вдохнула и рассказала про ночной звонок Нади, про великолепно разработанный план побега, шумный и многолюдный вернисаж, шикарное белое платье на фоне пейзажа, как испугалась, обнаружив нетронутую машину, воспроизвела в деталях истерику Страхова.

– У художника бесспорное алиби, – подтвердил опасения Веры редактор. – Игнат в момент исчезновения Нади находился на глазах десятков людей. Кстати, перечисляя варианты произошедшего на вернисаже, ты не учла еще один: Надя могла встретить среди гостей давнего знакомого и попросить человека увести её.

– В любом случае Томилина бы мне позвонила, – не согласилась Вера.

– Не обязательно, – размышлял вслух Черноусов. – Если это старая любовь, то поверь, девушке сейчас ни до кого. Надя вырвалась из лап сумасшедшего поклонника и окунулась в счастливую спокойную жизнь.

– Не собираюсь разрушать счастье подруги, – насупилась Краскова. – Но я должна быть уверена, что с Томилиной всё в порядке.

– Скажи-ка, а в галерее картины развешаны дорогие? – неожиданно поинтересовался Валентин. – Высоко котируются работы Страхова?

– Если верить пресс-релизу, творения художника пользуются спросом у коллекционеров современного искусства. Ну, а «Летний полдень», – зло хохотнула Вера, – вообще бесценен.

– Отлично! – обрадовался Валентин. – Значит, залы напичканы видеокамерами. Просмотри запись. И увидишь, кто подходил к Наде, с кем она ушла.

– Но владелец ни за что не подпустит к видеоматериалам, – запаниковала Вера, хотя внутренне согласилась с идеей редактора. – Я же не работаю в прокуратуре.

– Зато числишься у меня репортером, – напомнил Черноусов. – Так что не разочаровывай начальника, достань плёнку. Иначе придется уволить как не справившуюся с заданием, и за то, – хмыкнул шутливо редактор, – что грузила босса личными проблемами в законный выходной.

Глава 5

НЕ РАЗДУМЫВАЯ, Вера бросилась к Поняшке. Воскресенье для частной галереи – напряженный рабочий день. Суeta вернисажа улеглась, толпа поклонников-обывателей схлынула. Теперь черед истинных ценителей, которые предпочитают наслаждаться искусством в одинокой тишине, взвешенно подбирая очередной экспонат для коллекции. А значит, и Никита Воронин обязательно на месте. Потенциальных покупателей традиционно обхаживает персонально владелец заведения.

– Как ты думаешь, – Вера привычно приобщила к размышлениям верного Поняшку, – кем лучше представиться галеристу? Покупателем?

Девушка даже подумала, не развернуть ли автомобильчик обратно к дому, чтобы переодеться во что-нибудь более шикарное. Но потом сообразила, что нарядов с дорогими фирменными лейблами у неё в шкафу не водится в принципе. И когда юбку надевала в последний раз, даже не вспомнить. Целый год в джинсах проходила. А «офисные» костюмы от предыдущих работ уже вышли из моды.

– Даже если удастся сохранить спокойное выражение лица при упоминании ценников на картинах, мое финансовое положение Воронин «прочитает» по одежде, – грустно призналась Вера. – Нет, роль выгодного клиента не сыграю.

Но... зачем претворяться? – вдруг осенило девушку. Удостоверение репортера позволяет задавать любые вопросы. Галерист не откажется от интервью, лишняя реклама заведению никогда не помешает. Только требуется придумать повод, чтобы Воронин согласился показать запись видеокамер. Поинтересоваться системой безопасности? Но тогда могут продемонстрировать любую кассету, не обязательно вчерашнюю. Честно рассказать про исчезновение Нади? Вряд ли информация о том, что с вернисажа пропал человек, обрадует владельца выставочного зала. Никита тут же спрячет нужную пленку в сейф, на тот случай, если с тем же вопросом к нему пожалует полиция.

– Платье! – радостно воскликнула Вера и стукнула ладонью Поняшку по рулю. – Мне поможет Надино платье.

Вера проскользнула сквозь знакомую крутящуюся дверь в главный холл. Ей навстречу из служебного коридора поспешил сам владелец. (Помощница галериста, вконец измотанная шумным мероприятием, получила разрешение не выходить пару дней на работу). Внешность Никиты Воронина полностью соответствовала его занятию. Высокий, широкоплечий мужчина, не больше 45-ти лет, но густая шевелюра на голове вся седая. Черты лица жесткие, иногда суровые. Хрестоматийный облик опытного профессионала и честного, уверенного в себе человека. Галерист одним своим видом убеждал покупателя, что бизнес прочный, стабильный, чистый, никаких подделок.

Оказалось, что Краскова из гостей сегодня не только первая, но и единственная. Услышав, что девушка не собирается приобретать картины, Воронин умело скрыл досаду. Но от интервью не отказался (Вера рассчитала правильно), чем чаще мелькаешь в прессе, тем больше зарабатываешь. И галерист предложил разместиться прямо в центральном зале.

У огромного окна, напротив «судьбоносной» картины стояли два мягких кресла и журнальный столик (мебель вернули на место после вчерашнего столпотворения). На лакированной поверхности стоял огромный декоративный бокал, наполненный карамельками в разноцветных фантиках – яркие блестящие капельки. Продуманный дизайнером уголок для созерцания «Летнего полдня».

Вера включила диктофон. Увы, сразу в лоб вопрос про видеозаписи не задашь, придется начинать издалека, с хрестоматийной банальности: как Никита стал галеристом?

Биография Воронина не имела никакого отношения к искусству. Мало того, он даже в детстве никогда не рисовал. И если брал в руки карандаши или фломастеры, только для того, чтобы раскрасить журнал с комиксами про инопланетян или подрисовать усы на портретах лучших учеников школы.

О классическом искусстве, как человек образованный, представление имел. Плюс жена заставляла во время заграничного летнего отпуска посещать знаменитые музеи (хотя истинная причина, почему Воронин соглашался на интеллектуальную муку, заключалась в том, что в залах прохладно, гудели кондиционеры).

О современном искусстве был большей частью наслышан: в прессе часто мелькали скандалы, вспыхивающие вокруг очередной неординарной выставки. Поэтому представлял себе картины в виде ярких несуразных пятен (такие полотна стандартно фигурируют в интерьерах голливудских фильмов), а их создателей чем-то средним между бомжами и хиппи. И считал, что мольберт – это фанерка, на которой художник разводит краски, то есть путал с палитрой.

До 40 лет Воронин преуспевал в банке и, согласно должностным обязанностям, проверял документы клиентов перед выдачей кредита. Пять лет назад на его стол легло заявление от Игната Страхова. Живописца только что избрали в действительные члены Столичной Академии Художеств, и счастливцев мечтал купить достаточных размеров квартиру, чтобы оборудовать часть площади под мастерскую. Воронин, до этого момента никогда не общавшийся с живым художником и не представляющий, чем в материальном смысле способна владеть «творческая личность», принялся тщательно изучать финансовые возможности заемщика.

Начал с работ самого Игната. И удивился: оказывается, современное искусство не ограничивается коллажами и абстракциями, оно может быть привычно традиционным и иногда приятным. Но вряд ли банковский служащий способен оценить в денежном выражении стоимость коллекции конкретного автора.

Никита, человек обстоятельный и серьезный, переговорил с целым кругом профессионалов, вкусам и знаниям которых можно доверять: искусствоведами, галеристами, аукционистами, издателями каталогов. Все в один голос назвали Страхова талантливым и перспективным.

Для полной уверенности Воронин даже отправился на выставку современного искусства в ЦДХ, чтобы сравнить живопись Игната с творчеством других мастеров. Но, плутая по лабиринтам коридоров, поймал себя на том, что про Страхова напрочь забыл и элементарно наслаждался созерцанием окружающего.

Залы кипели жизнью. Нет, здесь конечно, присутствовали композиции из компьютерных плат и приклеенных к холсту пивных крышек, но Никита быстро выкинул этот «мусор» (в прямом и переносном смысле) из головы. Потрясало и привлекало бесконечное многообразие. Картины примитивистов – как детские воспоминания о новогоднем празднике, волшебные яркие и наивные. Деревянная скульптура – изящные, лакированные девушки, романтические, зовущие. Характерные куклы из войлока, папье-маше, раскрашенного воска. Посетительницы женского пола толпились возле расписных шелков, которые способны украсить не только плечи красавиц, но и, будучи вставленными в рамы, заменят собой живописные полотна на стенах.

В одном уголке Воронин от удивления даже негромко присвистнул (совершенно неприемлемое поведение для банковского служащего!). Раньше он знал, что сварочный аппарат существует для того, чтобы делать железные столбы для дачного забора. Но оказывается с помощью инструмента можно «варить» из металла полноценные картины: мужиков, дерущихся на улице, козу, бодающуюся с мальчишкой.

Переполненный впечатлениями Воронин присел на банкетку. И тут заметил супружескую пару из Китая, которая медленно передвигалась от стенда к стенду. По тому, как суетился возле гостей каждый художник, Никита понял, что туристы скупают экспонаты.

Никита стал наблюдать, что же именно выбирают состоятельные иностранцы. Прошел по их маршруту. Китайцы интересовались традиционной русской живописью: зимние и осенние пейзажи, старинные уголки Москвы, монастыри. Реализм во все времена пользуется спросом.

И Воронин – человек размеренный и консервативный, вдруг решился на безумный поступок. Он взял кредит в собственном банке, благо знал, как это легче сделать. И предложил Страхову (по сути дела, Игнат был единственным художником, которого Никита знал на тот момент не только в лицо, но и по документам) взаимовыгодный союз. Игнат охотно согласился, личный галерист – мечта любого творца. И даже предложил в качестве первого взноса свое самое большое полотно «Летний полдень». Бесплатно. Воронин смутился, странный жест. Но Страхов, смеясь, объяснил, что картина «съела» практически всё свободное пространство в мастерской и он не прочь шедевр куда-нибудь сплавить. Никита правильно оценил потенциал пейзажа и именно под эту картину, ставшую центральным экспонатом, заказал дизайн-проект галереи.

Развернув бизнес, Воронин продолжает учиться. Теперь классическое искусство изучает не по пути в гостиницу, а целенаправленно. Специально неделю жил в Фигейросе, чтобы понять «перетекание» образов Сальвадора Дали из картины в картину. Сейчас собирается в Брюссель. Посмотреть «совместимость не совместимого» у Рене Магритта.

– Бельгийцы заманивают туристов женщинами на полотнах Рубенса, – улыбнулся владелец галереи «НВ», – а работы другого, не менее знаменитого соотечественника, Магритта «спрятаны» в маленьких музеях, для истинных ценителей. Мечтаю погрузиться в его творчество.

– Прочитала в пресс-релизе, – Вера вернула галериста к событиям вчерашнего дня, – что вернисажи Страхова проходят каждый год в одно и то же время – 20 июня. В чем тайный смысл?

– Никакой мистики, – засмеялся Воронин, – обычный пиар-ход, чтобы заинтриговать посетителей.

– Ваша идея?! – наигранно восхитилась Краскова.

– Нет, Игнат придумал, – признался галерист. – Он же и число выбрал. Своеобразное светлое таинство – накануне дня летнего солнцестояния, перекликается с темой главного полотна в галерее. Подходит дата и с точки зрения бизнеса: начало теплого сезона, люди расслабляются в преддверии отпусков, но пока рано разъезжаться, самое время переключиться на созерцание. Еще одна деталь: час открытия выставки, ровно в 12.00. Акцентируется название главной картины. Правда, нынешнее торжество художник решил перенести почти на два часа позже и потребовал, буквально накануне вернисажа, перевесить «Летний полдень» ниже по стене, рама теперь чуть ли не в пол упирается. Странный каприз, но должен признать, Страхов тщательно выстраивает экспозицию. Для каждой картины долго подбирает место. Именно он предложил «украсить» центральный пейзаж живой девушкой в эффектном, ярком наряде. Что придало особое настроение вернисажу.

Вера с трудом удержалась, чтобы не закричать от радости: Никита сам вышел на тему, к которой так долго подбиралась репортерша.

– Потрясающая находка, – Вера постаралась изобразить на лице непреходящий восторг. – Но из-за неё я попала в неловкую ситуацию.

Воронин удивленно приподнял брови.

– Понимаете, – как можно жалобнее сказала Краскова, – моя мама – дизайнер одежды. И вчера я показывала фотографии, сделанные на вернисаже. Мама, естественно, прежде всего, обратила внимание на покрой наряда, в котором позировала девушка на фоне пейзажа. Но сразу дизайнера окончательно кушак, шелк ручной выделки! К сожалению, на моих снимках обязательно присутствуют и зрители. Я ведь делала фоторепортаж, а не обложку для журнала мод. В результате, – сочиняла дальше Вера, – ни на одном из кадров не видно бахромы в кап-

лях. Мама меня убьет! И с обладательницей белого платья я не знакома, – подчеркнула гостья, чтобы у галериста не было возможности отправить назойливую репортершу непосредственно к владелице кушака.

– Но чем я могу вам помочь? – скорее из вежливости поинтересовался галерист. – Мы сами фотографий не делали, надеемся на те, что появятся в печати.

– У вас есть камеры видеонаблюдения, – и Вера показала пальцем на коробочку, прикрепленную над оконной рамой. – Они наверняка зафиксировали девушку. Мне нужен только кадр – когда она осталась одна, после того, как Игнат повел гостей на экскурсию по галерее.

Воронин нервно провел ладонью по подбородку. Вере очень хотелось заглянуть в голову галеристу: какой вариант он выберет? Сочтет просьбу верхом наглости и вмешательством в секреты службы безопасности или ради журналистки, которая терпеливо слушал рассказ о его жизни, исполнит необычную просьбу?

– Хорошо, – наконец, принял решение Воронин. – Пойдемте со мной.

Картинки с камер видеонаблюдения выводились на компьютер, который установили в маленькой комнатке. Никакой секьюрити с пистолетом на боку тут не сидел. Да и не предполагался, судя по тому, что в камере отсутствовал стул.

– Охранник, – объяснил Никита, – дежурит у входа. Галерея небольшая, одного человека достаточно. И залы расположены так, что из центра просматривается каждый уголок. Но видеокамеры внушают доверие посетителям, да и в случае чего зафиксируют, скажем так, – Никита недовольно поморщился, – инцидент. Информацию я храню неделю, потом стираю.

Воронин пощелкал мышкой, достал из архива файл с записью вчерашнего дня и, раскрыв видеодокумент, быстро пробежал к середине. По экрану, разделенному на четыре части (вид на крутящуюся дверь, центральный зал от окна, правый и левый «лучи»), в ускоренном темпе замелькали фигурки людей. Сначала они сгруппировались рядом с главным полотном, полностью заслонив собой стоявшую там девушку в белом платье. Потом послушно переместились вправо. Вот девушка осталась одна. Никита нажал кнопку, чтобы увеличить именно этот угол съемки и запустил «фильм» в реальном времени.

– Почему Надя неподвижна? – удивилась Вера, рассматривая подругу, которая застыла лицом к камере.

– Запись ведется не постоянно, – объяснил Воронин, – картинка фиксируется раз в 60 секунд. Тогда документ получается не слишком громоздким. Но, поверьте, этого хватит, чтобы рассмотреть... хмм... кушак.

– Может, следующий кадр в лучшем ракурсе, – Вера протянула руку и стала смело щелкать мышкой, чтобы сдвинуть запись дальше.

13:57 – женская фигурка сделала шаг в сторону служебного коридора, но вдруг наклонилась, заметив, что кушак зацепился за раму.

13:58 – Надя освободила бахрому и выпрямилась, лицо обращено к картине. Неудобная точка, вспомнила Вера свои ощущения, чтобы оценить мастерство художника. Видимо, и Томилина пришла к тому же выводу, потому что на другом «снимке» сделала шаг назад и стала рассматривать пейзаж. Ожидаемая реакция – картина Страхова и вправду притягивала взгляд.

Но третий кадр поразил не только Веру.

– Что она делает? – охнул Воронин.

13:59. Надя скинула босоножки и стояла, зажав тонкие ремешки в левой руке.

14:00. Через 60 секунд из двух героев сюжета: картины и девушки на её фоне, остался только пейзаж. Девушки в белом платье уже не было. Причем не только рядом, но и в отдалении.

– Не могла же она исчезнуть, – невольно вырвалось у Веры.

– Конечно, – уверенно произнес галерист. – Видимо, покинула зону покрытия одной камеры и попала в объектив другой. – И Воронин раскрыл четырехкадровый экран полностью.

Но Надя словно растворилась в воздухе.

– Хм-м-м, – растерянно щелкал мышкой Никита, пробегая запись до конца.

Но Томилина больше не появилась ни на одном из кадров. Выдающийся наряд присутствовал на вернисаже в единственном экземпляре, его не возможно не заметить. Лишь однажды на фоне входной двери мелькнуло белое пятно. Но платье на гостье слишком короткое, почти мини, кроме того, девушка топала в босоножках, явно эпатажных – ремешки на шиколотках украшали висюльки. Силуэт посетительницы наполовину закрывала широкая спина спутника. Кстати, тоже одетого «не по случаю» – в шорты. Видимо, иностранные туристы, случайно заглянувшие в галерею и поспешившие ретироваться.

– Знаете, минута – весомый промежуток, – Никита нашел подходящее с его точки зрения объяснение. – Девушка вполне могла за это время покинуть здание.

Вера пыталась осмыслить увиденное. Версия редактора с треском развалилась: никто к Вере из старых знакомых не подходил и помощь не предлагал (доказательство – на экране). Кроме того, видеозапись добавила вопрос: зачем Надя сняла босоножки?

Чтобы, торопясь, не споткнуться на высоких каблуках?

Но почему тогда камера не зафиксировала убегающую девушку?

Глава 6

ВЕРА вышла на улицу и недовольно охнула: Поняшка понуро стоял, запертый с трех сторон собратями внушительного размера. Хотя сегодня и не рабочий день, но галерея находится в центре. Вокруг до горизонта магазины и рестораны, привлекающие посетителей.

Краскова с надеждой обошла «противников»: вдруг кто-то из автовладельцев оставил на ветровом стекле записку с номером мобильного телефона. Сейчас так в городе, утыканном пробками, многие поступают, чтобы разехаться в критической ситуации. Увы, никто не позаботился об интересах хозяйки красного автомобильчика. Видимо, посчитали не слишком значимой персоной.

И что же теперь делать? Сидеть и послушно ждать, когда более серьезные водители вернутся, нагруженные покупками?

Вера приложила башмак к бордюру, примерилась: а здесь «приступочка» не столь высокая.

– Не бойся, Поняшка, – кивнула девушка железному другу. – Справимся.

Послушно заурчал заведенный мотор, автомобильчик, скрипя шинами, легко преодолел препятствие. Теперь надо выровнять машину, чтобы не перегораживать тротуар. Вера переключила передачу, выкрутила влево до упора руль, обернулась, собираясь подавать назад, и... дико завизжала: бампер ткнулся в человека, который, нагнув голову, листал журнал. Пешеход качнулся, уперся руками в крышку багажника. Журнал полетел на асфальт. Заскрипели тормоза.

Вера выскочила из Поняшки и кинулась к парню. Тот стоял в полном оцепенении и лишь открывал-закрывал, словно онемевшая рыба, рот. Девушку и саму трясло в истерике: она же чуть не задавила человека!

– Вы что?! – закричала перепуганная Краскова. – Почему, когда по улице идете, по тротуарам не смотрите?

– П-по тор-тротуару м-машины н-не ездят, – заикаясь, отстучал зубами парень.

Вера от досады на себя и на глупого пешехода топнула ногой.

Раздался подозрительный хруст. Краскова опустила глаза: упавшее издание раскрылось, оказалось, что это вовсе не журнал, а... каталог выставки Страхова. И Вера, мало того, что топталась на страницах с узнаваемыми репродукциями, так еще и раздавила очки. Парень оказался беспомощно близоруким.

– Вы испортили мою книгу! – пешеход, наконец, пришел в себя и, разозлившись, ударил кулаком по ненавистному бамперу. В такт движению на спине незнакомца смешно подпрыгнул хвостик, в который были собраны длинные светлые волосы. Странно, что в такой момент девушка обратила внимание на второстепенную деталь.

– Нечего читать на ходу, – резко заметила Вера. – И оставьте в покое машину! Грубиян!

– Вы разбили очки, – воскликнул потерпевший, обнаружив еще одну «поломку». – Варварша! И машина у вас дурацкая.

– Не смейте нас оскорблять! – вступилась Вера за честь верного Поняшки. – Я хотела извиниться и помочь, но вы не достойны ни того, ни другого.

– И не надо, – парень нагнулся, чтобы подобрать разорванный каталог и ошметки оправы. – Вы и так меня чуть не убили. Девица за рулем, страшнее Тунгусского метеорита. Мужикам от подобных женщин одни несчастья.

Краскова обидно вздернула подбородок, развернулась и зашагала к Поняшке. Плюхнулась на водительское кресло и снова завела мотор. Выскочив на проезжую часть, помчалась домой.

– Нет, ты слышал! – продолжала бушевать Вера. – Я приношу мужчинам несчастье! Да кто он такой, в конце концов, чтобы вешать на меня ярлыки. Где я и где Тунгусский метеорит. Очкарик! Типичная «шляпа»!

Нет, на незнакомце не присутствовал никакой головной убор. Но Вера привыкла интеллектуалов не от мира сего (а кто еще читает, топая по тротуару и натываясь на оказавшиеся здесь случайно автомобильчики?) называть именно так – «шляпа». Человек безответственный и... в отношениях непостоянный. Это женщинам надо держаться от него подальше. И вообще, у нее своих забот хватает. Надо искать Надю! Томила сейчас главное.

Вера принялась вновь и вновь перебирать немногочисленные факты, касающиеся загадочного исчезновения подруги. Но картина упрямо приобретала очертания лабиринта, в котором топчешься по одним и тем же коридорам, с каждым шагом удаляясь от выхода. Выводы путаются, повторяются, начинаешь злиться на себя и собственное бессилие. Одним словом – тупик.

Оставив Поняшку отдыхать у подъезда, Вера поднялась в квартиру и включила компьютер. На ближайшие два часа она должна «самоустраниться», воспользовавшись много раз выручавшим методом приведения мыслей в порядок. Если ситуация безвыходная, если в голове хаос, надо переключиться на другую проблему (в данный момент перестать сокрушаться о Наде) и «вернуться» позже, с ясным, «промытым» сознанием.

Девушка достала диктофон и прослушала запись разговора с Никитой Ворониным. Привычно фиксируя важные моменты, Вера набила на экране вопросы и ответы. Галерист поведал много интересного, жаль выбрасывать подобную фактуру. Она отправит готовый материал Черноусову. Конечно, интервью – жанр, не вписывающийся в структуру новостного интернет-издания (да и Вера за такой ни разу не бралась, лишь в газетах читала и поэтому имела лишь смутное представление, как это выглядит). Но, во-первых, исключения, как известно, украшают правила. А, во-вторых, должна же девушка доказать редактору, что справилась с заданием и её можно не увольнять. Даже в шутку. (Черноусов оправдал надежды Веры: получив текст, тут же переправил модератору, и интервью разместили рядом с репортажем об открытии выставки).

Далее Вера препроводила себя на кухню: сделать трехэтажный всесезонный бутерброд. Натюрморт в стиле кубического минимализма. На хлеб намазывается сливочное масло, сверху кладется квадрат обжаренной с двух сторон яичницы, потом круг докторской колбасы, две плоских дольки огурца и завершающий штрих – майонез.

Краскова не любила возиться у плиты, да и чего мудрить над изысками, когда живешь одна. Поэтому придумала обедо-ужин (вечером фирменное блюдо легко повторить) на скорую руку. В кружку с горячим чаем кинула несколько кусочков рафинада: сахар стимулирует работу мозга.

Теперь, подкрепившись, можно возвращаться к Наде.

Итак, ситуация «сузилась» до двух кадров, записанных на видеопленку. Первый – Томила стоит лицом к пейзажу. Второй – картина в наличие, девушка отсутствует. Два эпизода разделяет минута. Что способно произойти за столь короткий промежуток времени?

Вера машинально повернула голову к электронным часам, между цифрами мигала точка, отсчитывающая секунды. 60 вспышек-капелек – слишком мало, ничего серьезного не совершить. В памяти всплыл фильм, герои которого за минуту угоняли машину. Но ведь воры заранее долго тренировались.

Предположим, что Надя до разговора с Верой придумала план побега (и скрыла его от подруги?) и знала, в каком ритме работает камера, чтобы не оставлять «видеоследов». Но зачем снимать босоножки? Платье узкое и длинное – подол не подхватишь, еще и наступишь на него. Глупо сбрасывать обувь.

Думай, Вера, думай.

Еще раз разложим информацию по полочкам. Вариантов не много. Первый: Наде удалось улизнуть, и она а) забыла позвонить подруге; б) не в силах это сделать (лежит ослабленная или того хуже – попала в больницу, оказалась где-то далеко, где нет телефонов, и т. п.). Вариант второй: Надя не смогла убежать.

Вера допила чай и поставила кружку на стол. Второй вариант казался всё более реальным.

Девушка снова посмотрела на часы. 60 секунд. Краскова облизала сухие губы – задай, наконец, вопрос, который боишься произнести вслух: хватит ли 60 секунд, чтобы *убить* человека? Или для начала оглушить, чтобы потом увезти в другое место и уже там лишить жизни? Но Вера осмотрела вчера каждое помещение в галерее. Да и Игнат постоянно находился у неё на глазах.

А если у художника имелся сообщник?!

Вера сжала заледеневшие от страха ладони: нет, не надо усложнять и без того непростую ситуацию. Лучше давай вспомним, что именно говорила Надя.

Краскова откинула голову на подушку дивана, сосредотачиваясь на деталях ночного звонка. В чем заключалась угроза? В голове зазвучал голос подруги: «Он сотрет меня в реальности, словно карандашный набросок ластиком». Страшилка, достойная кисти художника. А каким пассажем предложение завершалось? «Запрячет так, что никто на свете не отыщет». Значит, речь шла не об убийстве, а о *похищении*! Тоже вещь мало приятная, но, по крайней мере, есть шанс человека спасти.

Не будем сейчас отвлекаться на обдумывание вопроса «Как ему это удалось?», перейдем к главному: «Где он её прячет?». Двухэтажная квартира-мастерская не подходит. Да, Игнат продержал Надю пару недель взаперти, но это не надежно. Нашла же подруга способ позвонить, да и обязательно кто-то нагрянет в гости, кому нельзя отказать. Тот же Воронин, от которого зависят доходы художника.

Вряд ли Игнат скрывает подругу еще у кого-либо в Москве. Судя по рассказу Нади, у Страхова круг знакомых ограничен собратями по цеху. Но художники, как и театральные режиссеры, которые принципиально не посещают премьеры коллег, редко по-настоящему дружат, творческими планами суеверно не делятся, опасаясь за их сохранность. Подходящее решение – довериться родственникам. Есть ли у Страхова в столице таковые? Нужно срочно раздобыть биографию знаменитости.

Вера придвинула компьютер. На сайте Столичной Академии Художеств про молодого академика информации оказалось минимум. Только что возраст можно подсчитать – 37 лет. Плюс перечень учебных заведений, которые он успел окончить, и список выставок, в которых принимал участие.

Зато обнаружились ссылка на персональный сайт. Куда быстро «перескочила» Вера. Сайт сделан профессионально, красочно, портрет героя – на первой странице во весь экран. От нее два «пути» – на русскую версию и английскую. Рассчитано на мировое признание.

Для посетителей информация структурирована в разделы. Галерея, пресса (ну как же, восторги журналистов и критиков), форум (опять восторги, в основном женщин), каталог картин, контактная информация (координаты галереи «НВ» и телефоны Воронина), события (фотографии со вчерашнего вернисажа, оперативно), биография (наконец-то).

Но, опять лишь короткий абзац, отполированный и причесанный, где фамилию Страхова непременно сопровождали лестные эпитеты «талантливый», «гениальный», «самородок» и даже «творец».

К уже известному добавилось лишь то, что будущий гений родился в маленьком подмосковном городке, рисовать начал в школе, предпочитает пейзажи, картина, определившая судьбу – «Летний полдень» (это Вера и из пресс-релиза знала). И ни слова о родителях, бра-

тях-сестрах. Обычно, если родственников не упоминают, значит, их уже нет в живых. И тут тупик?

Вера упрямо не уходила с сайта, перечитывая разделы. Ей нужна какая-нибудь подсказка, малюсенькая зацепка. Снова вернулась в «галерею».

Выстроила цепочкой репродукции художника. Серия «Малая родина». Двухэтажные деревянные домики, белостенная церквушка. Площадь с облупленным фонтаном в центре; на постаменте, посреди клумбы из анютиных глазок, гипсовый пионер с горном. Покосившиеся скамейки в сквере. Улица, заканчивающаяся деревянным причалом, чудом сохранившийся колесный пароходик на речке, даже дым идет из трубы. Мальчишки, сбегаящие с холма. Голуби, собирающие крошки в трещинах между плитками на тротуаре.

Милые атрибуты маленького городка. Страхов выписывал детали с любовью, картинки малой родины дышали грустью и сопричастностью. В некоторых узнавались мотивы будущего шедевра «Летний полдень».

Дальше предлагалось посмотреть серию «Военные игры». Вера, принялась было пролистать и её, но вдруг вернулась назад и стала перечитывать подписи под зарисовками. Даты! Как же она сразу не обратила внимание. К теме маленького городка художник обращался постоянно. Значит, часто навещает старый дом. Идеальное место спрятать человека у кого-то из преданных тебе с детства людей.

Глава 7

РАНО утром Вера позвонила на работу, предупредить, что берет пару отгулов; сразу за МКАДом заправила полный бак бензина и отправилась с Поняшкой на малую родину «знаменитого художника современности».

Девушка испытала истинное наслаждение, наблюдая за многокилометровой автомобильной «змеей», ползущей навстречу. «Послевыходной» въезд в мегаполис – самый нервный и плотный. Зато покидать столицу легко и приятно – Поняшка, никем не сдерживаемый, летел по шоссе на максимально разрешенной скорости.

Уже минут через сорок Вера пересекла первое Бетонное Кольцо и сверилась с картой. Городок начинался постепенно: сначала гостей встречали симпатичные дачки, «просвечивающие» сквозь штакетник, их сменили фасады посерьезней – кирпичные, за плотными, деревянными заборами, потом пошли панельные новостройки.

Следуя указателю, Вера свернула к центру. Замелькали знакомые по картинам Страхова детали: улица из двухэтажных, отреставрированных домов, площадь с фонтаном (судя по расположению, им заменили стоявший здесь когда-то памятник Ленину), сияющая белизной церквушка, сквер со скамейками (только отремонтированными и свежеекрашенными), даже постамент сквозь деревья удалось разглядеть, правда, вместо пионера с горном над клумбой возвышалась гипсовая ваза.

Еще несколько кварталов и городок стал убывать в обратном порядке: от новостроек к дачкам. Вера развернула Поняшку и вновь порулила к площади. У первых же попавшихся подростков поинтересовалась, где находится школа.

Дома, размышляя над тем, как разыскать в городке друзей и родственников гения, Вера придумала заглянуть в школу, в которой учился художник. В подобных заведениях принято гордится знаменитыми учениками, и ставить в пример нерадивым отпрыскам.

Правда, сейчас лето, учреждение официально закрыто, но Вера помнила по своему детству, что школа никогда не пустует, и в каникулы там кого-нибудь встретишь: старшеклассников, которые якобы проходят практику – машут метлами во дворе, а на самом деле гоняются друг за другом; директора, заполняющего очередной финансовый отчет; учителя, взявшегося подтянуть двоечника; библиотекаря, который просматривает сданные учебники, чтобы оформить на списание негодные; наконец, штукатуров или маляров, готовящихся к ремонту. Или, в крайнем случае, сторожа.

Вот и дверь в школу, которую закончил больше двадцати лет назад Игнат, легко открылась. Переступив порог, Вера чуть не налетела на пластмассовое ведро. Пожилая женщина в выцветшем халате отжимала в почерневшей воде тряпку.

– Не подскажите, – обратилась к уборщице гостя, – кто бы мог мне рассказать о вашем бывшем ученике – художнике Страхове?

Женщина, не поднимая головы, махнула рукой в сторону лестницы и, ловко насадив тряпку на швабру, вернулась к мытью пола. Видимо, поклонники знаменитого пейзажиста часто навещают данное учреждение, что даже уборщица не отвлекается на вновь прибывших.

Вера направилась к лестнице и увидела за ней дверь, которую украшала внушительных размеров табличка: «Музей действительного члена Столичной Академии Художеств Игната Страхова». Девушка тихонько постучала, предупреждая о своем приходе, и толкнула створку. У окна, на учительском месте сидел седовласый мужчина в старомодном жилете из черного атласа, белую рубашку с коротким рукавом завершал галстук бабочкой под накрахмаленным воротничком. Хозяин кабинета разглядывал через лупу картинки в журнале. Услышав шаги, мужчина вопросительно скосил глаза:

– В музей?

Вера утвердительно кивнула.

Мужчина расплылся в улыбке, словно давно ждал посетительницу, и... развернулся вместе со стулом. Только теперь Вера увидела, что это вовсе не стул, а инвалидное кресло. Человек крутанул колеса и подъехал к госте.

– Разрешите представиться: Бронислав Брониславович Мельников. Извините, что не могу приветствовать даму стоя, – галантно произнес смотритель музея.

– Ну что вы, что вы, – смутилась Вера. – Вовсе не обязательно. Вы были знакомы со Страховым?

Не только был, но именно Мельников учил будущего художника правильно держать в руках кисти и подбирать краски. Бронислав Брониславович («Быр-Быр», как его окрестили школяры) работал долгие годы, пока не ушел на пенсию, учителем рисования.

– Я помню Игната вихрастым первоклассником, – Мельников поправил изящными пальцами бабочку. – Обратил на ребенка внимание сразу. Начинаю знакомство со стандартного задания: нарисуйте-ка мне, детки, дом, в котором живете. Мальчики и девочки собирают картинки из квадратов: стена, окно, дверь, труба. И наверху – солнечный кругляш. Но этот ребенок протянул мне совсем другое: большая комната, в центре – изысканное кресло, на котором, свернувшись, калачиком спит котенок. Композиция, цветовое решение, сочетание больших и малых форм. Неожиданный набор для семилетки, не так ли?

И не дождавшись ответа, Мельников устремился к стене, плотно, в несколько рядов, увешанной рамками. В каждой за стеклом бережно хранился раритет. Открывал галерею тот самый, раскрашенный цветными карандашами, правда, уже заметно поблекший, рисунок с котенком. Постепенно стали появляться на листах краски. Сначала акварельные, потом масляные. И вместе с цветом менялось качество исполнения. Резкие, угловатые линии сменились плавными и едва заметными мазками. Рука крепла, мальчик смело брался за многосложные сюжеты.

Следующую стену сплошь украшали фотографии. Маленький Игнат с букетом гладиолусов, праздник Первого звонка. Среди одноклассников на субботнике. На пленере, вместе с учениками школьной художественной студии, где и «Быр-Быр», в узнаваемом галстуке бабочкой, но еще не седой, стоит на здоровых ногах рядом. Страхов в классе, пишет экзаменационное сочинение. Выпускной вечер, Игнат читает со сцены стихи.

И завершают музейную композицию – в простенках между окнами – любовно подобранные пары: фотографии достопримечательностей городка и репродукции с картин художника, на которых они изображены.

– Но вы ничего не рассказали о родителях, – не удовлетворилась короткой экскурсией Вера.

Бронислав Брониславович подъехал к двустворчатому шкафу, достал из жилетного кармашка маленький ключик, открыл стеклянную дверцу и взял со средней полки толстый альбом.

– Семейные фотографии, – пояснил Мельников, перелистывая на коленях страницы. – Альбом попал ко мне случайно. Игнату срочно понадобились деньги на покупку квартиры в Москве, он продал дом в городке (Вера недовольно поморщилась, значит, отпадает один из адресов, где может находиться Надя), раздарил мебель и книги друзьям, мне принес альбом, мол, пока негде хранить. Но потом не забрал. Я показываю снимки не всем, только истинным поклонникам. Ведь вы относитесь именно к таким?

Девушка не стала разочаровывать старика и подтвердила длинно-восклицательно: «О, да-а-а!».

Мама и папа будущего гения трудились в городском автопарке. Старший Страхов крутил баранку автобуса, пробивающегося по раздолбанным дорогам к дальним деревенькам, а мама «обилечивала» пассажиров, то есть работала кондуктором. Но по снимку, сделанному в фототелье, профессию родителей ни за что не угадаешь – у красивой молодой женщины при-

ческа в мелких кудряшках (модная в начале 70-х химическая завивка), мужчина надел строгий костюм с галстуком в полоску. На руках отца уютно устроился большеглазый карапуз.

Через несколько страниц (после подборки о семейном отдыхе в Анапе) снова студийная съемка: только теперь рядом с Игнатом появился второй ребенок. Присутствовал он и на следующих кадрах. И чем старше становились мальчики, тем больше походили друг на друга, словно близнецы. Только по росту различались, да телосложением. Но постепенно сравнились и в этом.

– Брат, – объяснил смотритель музея, – Алексей, погодки.

Страницы листаются дальше, лица родителей меняются, мелкие незаметные морщинки превращаются в глубокие линии сначала у глаз, потом на лбу, мальчики наоборот наливаются силой, мужают. Постепенно с фотографий исчезает папа.

– Отец вместе с автобусом сорвался зимой с моста, – объяснил Мельников, – порожним ехал, больше никто не погиб.

– А Алексей? – Игнат вполне мог спрятать Надю у брата. – Чем он сейчас занимается?

– Алексей..., – учитель захлопнул последнюю страницу, направил кресло к столу и аккуратно положил альбом рядом с лупой. – Еще одна трагедия. В его лице мир потерял талантливого художника.

– Алексей тоже рисовал? – удивилась Вера.

– Невероятно, правда? – грустно посмотрел на гостью Бронислав Брониславович. – Алеша тоже учился у меня. По сравнению с Игнатом, в творческом плане рос гораздо быстрее. В 12 лет стал победителем городского конкурса юных художников. Что вызвало дикую зависть у старшего брата, который участвовал в состязании, но в число номинантов не попал. Дело кончилось дракой. Вечное соревнование двух талантов. Внешне мальчики были такими похожими, а вот работали по-разному. Игнат корпел у мольберта долго, делал массу предварительных эскизов, относился к картинам излишне педантично, каждую вставлял в рамку, вносил в личный каталог. Алексей рисовал быстро и легко, его больше интересовал процесс создания полотна. Завершив рисунок, тут же забывал о нем, мог запросто разорвать и выбросить в помойку. У меня чудом сохранилась парочка этюдов, но Игнат попросил отдать ему, в память о брате, – Мельников достал из другого кармашка бумажный носовой платок и протер вспотевший лоб. – Страховы по очереди перебрались в Москву, поступили в художественное училище. Потом забрали маму – Варвару Николаевну. В городок наезжали, пока владели квартирой. Обязательно заходили в школу. Меня навещали. Купили инвалидное кресло, когда после инсульта отказали ноги, – и пенсионер похлопал ладонями по шинам. – Что касается Алёши... Игнат рассказывал: брат однажды вышел за покупками в магазин и не вернулся. Говорят, такое часто случается в мегаполисах, ежегодно бесследно пропадают тысячи человек. Милиция пыталась разыскать, но безуспешно. Варвара с трудом пережила несчастье.

– Давно это произошло? – насупилась Вера: что-то много вокруг одного человека исчезает людей.

– Лет... хмм, – пенсионер сжал губы, производя в уме подсчеты, – пять назад.

– Мне хотелось бы написать письмо матери Страхова, – Вера поняла, в каком направлении стоит вести дальнейшие поиски, – поддержать женщину.

– К сожалению, адреса Варвары не знаю, но наверняка её давняя подруга Виолетта – в курсе, зайдите к ней, дом напротив школы. Они переписываются. А вы живете в Москве? – неожиданно задал вопрос учитель.

Вера молча кивнула.

– И на вернисажи Игната заглядываете?

Вера опять кивнула.

– И в субботу были? – получив еще один утвердительный кивок, Мельников продолжил: – У меня есть просьба, – учитель вытянул из-под лупы журнал, который рассматривал, когда

пришла гостя. Оказалось, что это каталог одной из старых выставок Игната. – Понимаете, музей организован на общественных началах. Зарплату не платят. Хотя мэр любит хвастаться музеем, официальных гостей городка и высоких чиновников обязательно приводит на экскурсию. И Игнат периодически приезжает. Всегда дарил каталоги. Ценные для музея экспонаты, а лично для меня они еще и своеобразное хобби. Я рассматриваю в разных изданиях репродукции, сравниваю друг с другом, – Бронислав Брониславович взял в руки лупу и приложил стекло к одной из картинок. – Помните, раньше была в журналах такая рисованная загадка «Найди 10 отличий». Полезное оказалось занятие. Например, однажды я обнаружил... хмм... недоразумение с «Летним полднем».

– Недоразумение? – переспросила Вера.

– Вы наверняка слышали о людях, которые бредят гениями, – Мельников достал из стопки на столе другой каталог и развернул на картине «Летний полдень».

– Обливают живописные полотна соляной кислотой, как «Данаю»? – догадалась Краскова. – Поэтому «Моно Лизу» держат под пуленепробиваемым стеклом?

– Некоторые варвары пытаются дорисовать картину, – добавил учитель, – на свой вкус. Так вот, я обнаружил, что на поздних репродукциях «Летнего полдня» кто-то превратил стог сена, что в правом углу, в шалаш.

Бронислав Брониславович в подтверждение своих слов провел лупой над двумя похожими репродукциями.

– Почему вы подозреваете злой умысел? – равнодушно пожала плечами Вера, не особо вглядывавшаяся в изображения. – Может быть, автор решил улучшить шедевр?

– Но «Летний полдень» уже много лет не покидал галерею «НВ», – поднял указательный палец учитель.

– Наверняка Страхов как-то объяснил нестыковку? – предположила гостя.

– Игнат на мое письмо отшутился, мол, картина стала даже лучше, – нахмурился Мельников, – и перестал присылать каталоги. Поэтому не откажите старику, – нервно поерзал на кресле Бронислав Брониславович, видимо, он считал неприличным обращаться к незнакомому человеку с просьбой, – пришлите книжицу с субботнего вернисажа. На пенсию покупать накладно.

– Увы, я не приобрела альбом, – призналась Вера и непроизвольно прикусила губу: перед глазами нектати всплыла картинка – разорванная страница с репродукциями и треснувшие стекла очков. Услышав, как разочарованно вздохнул учитель, девушка поспешила добавить, – но сделала много фотографий.

– Скиньте по электронной почте, – обрадованный Мельников схватил со стола листок бумаги, ручку и написал адрес. – У нас в школе отличный цветной принтер.

Вера пожалела, что не удосужилась захватить «рабочую сумку», иначе выполнила бы просьбу Мельникова прямо сейчас. Оставалось пообещать, что пришлет сделанные на выставке фотографии позже.

Глава 8

ВИОЛЕТТА Максимовна жила на первом этаже панельного дома: полы из широких толстых досок, покрашенных коричневой краской; допотопная газовая плита, с откидными чугунными «крыльями» по бокам для горячих кастрюль; квадратики линолеума в коридоре. Звонок на двери отсутствовал, надпись на стене рекомендовала гостям не стесняться и барабанить по протертому дерматину.

Хозяйка, открывшая на стук, оказалась словоохотливой и улыбчивой. Она затащила Веру прямиком на кухню, усадила за стол. Зажгла под чайником конфорку, высыпала на тарелку белые, чуть подсохшие зефирины, горку карамелек и только потом спросила о цели посещения. Так необъяснимо трогательно по отношению к незнакомым людям поступают, обычно, одинокие и не избалованные общением старики.

– Ох, вы ищете Варвару? – прижала ладошку к щеке хозяйка. – Что вдруг вспомнили?

– Я... ммм... из пенсионного отдела, – придумала на ходу Вера. – У нас ревизия, сверяем списки. Страховой задолжали одну из выплат, надо деньги перевести, а нового адреса не знаем.

– Так она в пансионате обитает, – охотно сообщила Виолетта Максимовна. – Как с младшим сыном несчастье приключилось, Игнат мать туда и перевез, – пенсионерка развернула конфету, надкусила карамельку и глотнула горячего чая: приготовилась к долгой неспешной беседе. – Варвара поначалу часто мне письма слала, но потом замолчала. Игнат, когда в последний раз заезжал, объяснил, что мать очень больна. Впадает в забывчивость, никого не узнает. Страшно, наверное, жить, если видишь вокруг только чужих людей?

Женщина приложила краешек фартука к глазам. Потом вернулась к чаю и, подливая то и дело кипяток госте, стала рассказывать-вспоминать прошлое житьё-бытьё.

Вера не перебивала и терпеливо слушала. Чай оказался вкусным, с ароматными травами, зефир и конфеты сладкими, да и хозяйку торопливой неучтивостью обижать не хотелось. Виолетта, много лет дружившая с Варварой, была, пожалуй, самым знающим из биографов семьи. На её глазах Страхова, потерявшая мужа, поднимала двух парней. Да каких парней.

Природа, любительница пошутить, словно специально «создала» пару столь похожих внешне мальчишек. Разница в год незаметно стиралась, и ребята стали выглядеть словно близнецы. Мать баловала сыновей, покупала обновки и, подчеркивая необычность парочки, одевала их одинаково, подбирая вещи одного фасона и расцветки (поначалу, правда, разного размера).

Что удивительно, мальчишки и вели себя как двойняшки. Алексей ходил за Игнатом по пятам, причем, признавая старшинство, на полшага позади. Верил брату безоговорочно, во всем, повторял любую шалость, не задумываясь над последствиями. Например, увидев, как Игнат разбежался и бесстрашно прыгнул с крыши в сугроб, и сам сиганул вниз.

Если Игнат рисовал, Алексей пододвигал табуретку и устраивался рядом. Поэтому отъезд младшего брата вслед за старшим в Москву был предсказуем и ожидаем. Парни оба поступили в художественный институт. Защитив диплом, по очереди устроились на работу в одно и то же творческое объединение. И даже мастерские их располагались в коридоре по соседству. Подзаработав, сумели купить квартиру.

Но через несколько лет совместного труда между братьями пробежала «первая кошка» (если не считать детской драки за первенство в конкурсе юных художников). Игнат заявил, что долг старшего брата выполнил сполна, устал от постоянной опеки, должен сосредоточиться на собственной карьере, для чего требуется тишина, отстраненность и максимально возможное в современных условиях одиночество. Словом, ищущий славу художник предпочитает жить отдельно. Алексей, как обычно, согласился. Братья разменяли одну квартиру на две в разных концах столицы, перейдя на телефонное общение.

И однажды, обсудив семейные дела, приехали в городок забирать Варвару. Игнат не сомневался: жилье у старшего сына удобнее, просторнее, район – престижнее, мать переедет к нему. Но неожиданно Варвара Николаевна выбрала квартиру-малометражку и отправилась к Алексею. Так открылась сыновьям правда о том, кого из детей Варвара любит больше.

Как объяснила Виолетта, она одна знала тайну Варвары, только близкой подруге поведала когда-то Страхова, что, стараясь внешне относиться к детям одинаково, в душе предпочитала младшенького, считая его более слабым, судьбой обделенным. Муж, пока был жив, больше общался с первенцем, и Игнат успел насладиться любовью отца. Алексей, рожденный позже, в малолетстве беспрерывно болевший, крутился возле матери, и жил мечтами, что однажды удостоится отцовского внимания. Но не дождался. И мать, как могла, старалась восполнить утрату. Поэтому переехала к Алексею.

Игнат, признававший свое превосходство, обиделся, но упрашивать Варвару, чтобы мать передумала, не стал. Смирился? Так, по крайней мере, считала Варвара, стараясь навещать почаще старшего сына. Надеюсь, что всё как-нибудь срастется.

Однако маленькая трещинка в отношениях между братьями не собиралась затягиваться. И «вторая кошка» не заставила себя ждать.

Каждый год в здании Столичной Академии Художеств проводится выставка (полузакр-тая, для внутреннего пользования, куда посторонние не приглашаются, вход только по пригла-сительным билетам). Попасть в число участников – мечта любого отечественного художника. На экспозиции мэтры искусства присматривают кандидатов в будущие члены Академии.

Руководитель объединения, где трудились Страховы, вызвал братьев в кабинет и сооб-щил: их организации на выставке выделяется одно «авторское» место. Достойными счита-ются оба брата. Придется выбирать. Готовые работы художников известны, но, чтобы никого не обидеть, предлагается конкурс с одинаковыми стартовыми условиями. Каждый берется за новую картину. Лучшая отправится на выставку. Времени по творческим меркам в обрез – три месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.